

Блуждая в темных аллеях

Последний гон Ивана Бунина

Игорь Клех

Была чудесная весна...

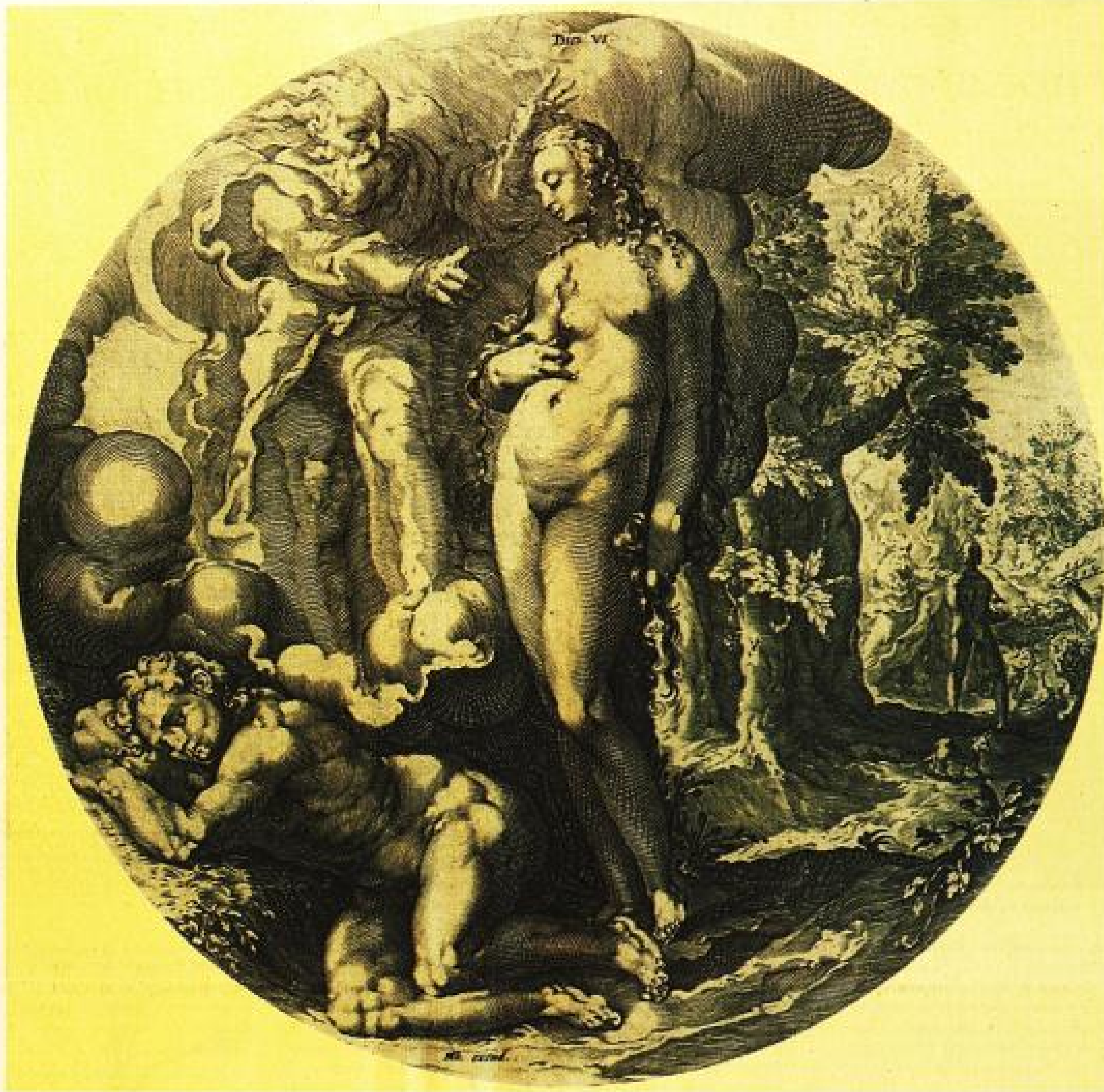
Перефразируя Данте, пройдя земную жизнь, Бунин заблудился в «темных аллеях» и еще добрую дюжину лет в них проблуждал – к вящей пользе будущих читателей и во славу русской литературы. Почти печально появившиеся на свет собрание его любовных и эротических новелл, с одной стороны, заполовлю собой некое шезлонг-поле, с другой – подвело жирную черту под отчасти целомудренной, отчасти лиричной русской классикой. Не только у нас весь XIX век порождалось или игнорировалось существование демона похоти, могущество телесного влечения. Писатели вокалели и пребывали в сонном, спали с прелестью, посещали бордели, а в литературе, за редкими исключениями, царил идеализм. Особенно пострадали от нее женские образы и характеры, поскольку литература создавалась преимущественно мужчинами, желающими видеть в женщине объект поклонения, а не равное или даже более сильное существо. Убежденное представление о себе неизбежно ведет, в лучшем случае, к развитому двоемыслию, в худшем – к неврозам и психозам (причем у читателей даже в большей степени, чем у писателей). Поэтому доктор Фрейд не мог не прийти, как не могли не быть написаны в целях исцеления и прояснения «Братья Карамазовы», «Крейцеров соната», «Леди Макбет Мценского уезда», некоторые чеховские рассказы и шедевр позднего Бунина – цикл рассказов и прозаических этюдов «Темные аллеи».

Само его название вынуждено стихотворением Николая Огарева «Обыкновенная повесть» (1842 г.) как трюизм, затасканная цитата, романсовая строчка, вдруг угодившая прямо в сердце Бунина и всколыхнувшая его душевный мир так, что слезы готовы брызнуть из глаз (сравните с тургеневским рефреном «Как хороши, как свежи были розы!» или с замечательным набокховским пассажем: «...и, как часто бывает, пошлость, неизвестно к чему отпосылавшая, крепко обвилась вокруг воспоминания, питаюсь его грустью»). Будет справедливо привести полностью это стихотворение забытого поэта, строки которого спустя столетие послужили камертоном последнего творческого всплеска Бунина:

Была чудесная весна!
Они на берегу сидели –
Речка была тихая, ясная,
Вставало солнце, птички несли;
Тянулись за речку долы,
Спокойно, пышно зелелем;
Вблизи шловоиных аллей шло,
Стояла темная лип аллея.
Была чудесная весна!
Они на берегу сидели –
Во мзете лет была она,
Его ум едва чернели.
О, если б кто увидел их
Тогда, при утренней их встрече,
И лица б оксметрел у них
Или подслушал бы их речи –
Как был бы мнэ ему язык,
Язык любви первоначальной!
Он верно б сам, на этом мнэ,
Расцел на дне души печальную!
Я в свете встретил их потом:
Она была женой другого,
Он был женат, и о бывшем
В помине не было ни слова;
Но лица виден был покой,
Их жизнь текла светло и ровно,
Они, встречаясь меж собой,
Могли смеяться хладнокровно...
А так, на берегу реки,
Где цела тогда шловоиных аллей,
Одни простые рыбаки
Ходили к лодке обветшалой
И пели песни – и так
Осталось, для людей закрыта,
Что было там говорено
И сколько было позавыто.

Солнечный удар

Оставаясь узнаваемо бунинским, отдельные новеллы цикла «Темные аллеи» несут в себе отголоски толстовских и чеховских мотивов, перекликаются с набокховской и даже пастернаковской прозой – то есть как бы итывают и суммируют почти все, что стыдливые русские классики могли и хотели сказать о «теневой» стороне любви – ее плотском характере. Во всяком случае, именно эта неготовность послужила тол-

Создал Бог жену, чтобы опутать человека сетями соблазна...

Ян Харменс. Мультир по Генрику Голцусу «Сотворение мужчины и женщины». XVI век. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

ком к созданию «Темных аллей» – воспоминанию и литературной разработке того зова и гона, что являлись скрытым содержанием молодости.

На седьмом десятке лет Бунина, словно венок и уже по памяти, настал испытанный им неоднократно в молодые годы «солнечный удар».

Литературный взрыв оказался такой силы, что с 17 по 20 октября 1938 года им были написаны три рассказа, в том числе и давший название будущей книге – «Темные аллеи». То есть в эти осенние дни (а Бунин «осенился»: родился в октябре, умер в ноябре) замысел цикла или последней книги бунинских рассказов окончательно сформировался. Без сомнения, Бунину было откуда черпать и от чего оттолкнуться. Многие его произведения, созданные десятилетиями раньше, вполне могли бы войти в состав этого цикла: тот же «Солнечный удар», «Летнее дыхание» (вариация и романтический парадокс «легкого поведения»), «Матина любовь», «Ида» и другие.

Но отсчет «Темных аллей» начался 12 ноября 1937 года, когда перо Бунина буквально «эксплозило» коротким рассказом «Кавказ», в котором, как в капсуле или зародыше, заключалось в сферичном виде содержание будущего цикла. Символическая попытка вернуть утраченные плотские радости возложилась на попытку воскресить во плоти потерянную навсегда страну и в итоге обернулась художественной натурфилософией молодости – как роковы жизни всякого человека. Собственно, в этом и состоит «темное» и загадочное обаяние книги бунинских новелл: погоня утраченного времени, русская версия. Финал запущенной цикла «увертурной» новеллы о любовных и обманутых муже-мелодрагматичен и ослепителен. Просто переписать его слово в слово – не удовлетворит, а почти счастье:

«Он искал ее в Яелензине, в Баграх, в Сочи. На другой день по приезде в Сочи он купался утром в море, потом брился, надел чистое белье, белоснежный хител, позанимал в своей гостиной на террасе ресторана, выпил бутылку шампанского, пил кофе с шартрезом, не спеша вы-

курнул сигару. Возвратясь в свой номер, он лег на диван и выстрелил себе в виски из двух револьверов».

Вот эта деталь – «из двух револьверов»! И разбуженный эхом дореволюционных, довоенных, «мирных» выстрелов бунинский цикл «Темные аллеи» штурм опутал, ошил и пришел в движение.

Начатая в 1937–1938 годах работа над ним была продолжена осенью 1940-го (то есть в поставленной уже Петером на колени Франции). И как семидесятилетний его ровесник Матис в годы оккупации мазал красных акварельных рыбок, так и Бунин упивался напоследок своими творческими галлюцинациями: душным запахом женской плоти, яблок и озерной роски; громким стуком паровозных колес; отсветами ночных костров на платках русской жорной дорожной тряпки; тоской гостиничных и мебельных коммат; шепелом спадающих юбок; отзвуками давно канувших гореческих слов. Доживя рассказ за полтора месяца – какой удар!

Третий всплеск пришелся на осень 1943 и весну 1944 годов – еще полтора десятка рассказов.

«Звериный зов» страсти

Конечно, отдельные рассказы сочинялись и в другие годы (оттого нет единого кодекса «Темных аллей» – и при жизни Бунина, и позднее состав книги варьировался в зависимости от обстоятельств и вкуса составителя), но основу и костяк цикла составляли рассказы, написанные Буниным на волнах вдохновения и творческой горячки. Поэтому так неровен и разнотипен цикл «Темные аллеи» (хотя, по уверению жены, сам писатель и считал его «самым совершенным по мастерству»). Но, чем черт не шутит, может, секрет обаяния этой необычной книги и состоит в ее относительном несовершенстве?

Бунин был способен и склонен поупражняться в стихах (русифильского сказа или «мопсановской» новеллы), заворонить читателя, как гуся, явным перебором определений (как в начале новеллы «Степа»), засыпать ювелирными сравнениями (вроде «золоченых реп собора»), заставить кружить по

винтветам тропам дееспричастных и причастных оборотов (как в начале финальной новеллы «Ночлеги» – кстати, варьирующей, спустя десятилетие на новый лад, тему полумистической «Баллады» и замыкающей, таким образом, композицию всего цикла). Однако все изобразительные уловки, мастеровитые кунштюки и быстро устаревающие стилистические приемы вынуждены отступить, когда со дня слов поднимается «звериный зов» страсти, породившей «Темные аллеи» (как в вайерерской зарисовке «Начало», где «уже так дико и чудесно воняло зверем»: волчком и садовой яме, Господним Волком «Бал-

лада» и тем угольно-черным псом, что перегрыз горло звероподобному марокканцу в «Ночлеге»). Бунин знал непрерывную мощь этого зова и, для того чтобы совладать с ним, заговорить и тем обезопасить себя (подновато, прямо скажем), создал впечатляющую галерею образов, характеров, ситуаций, позволяющих опутать, с чем каждый из нас сталкивается, выходя на рандеву с противоположным полом.

Бунин знал мощь звериного зова страсти и, чтобы совладать с ним, создал впечатляющую галерею образов...

Прежде всего – с самим собой, диспропорцией родового и личного начала в нас самих.

Бунин бесчестно отрицал автобиографичность большинства новелл – и, действительно, благодаря обаянию персонажей, коллизий и расширению географии ему удалось вывести «Темные аллеи» на уровень антропологического исследования. Человеком он был умным, многоопытным и прозорливым, однако мыслителем не был, и потому не учел, что характер исследования определяется характером исследователя, его интересом. Художественное произведение почти всегда выглядит умнее и глубже своих создателей, но не настолько – и этим напоми-

нают факцию открытий, изобретений и личных рекордов.

По существу, «Темные аллеи» – одно из самых впечатляющих саморазоблачений мужской сексуальности. Хотя бы потому, что с согласия автора большинство его героев эротично, а точнее, небескористо мистифицируют себя и окружающих, обречая безликое половое влечение в одежде и словеса любви, что выглядит куда благороднее и дает неплохой эффект (как в «Музе»: «Я не могу жить без тебя, за один эти колена, за юбку, за валенки готов отдать жизнь!»). Надо сказать, Бунин достаточно сдержан в описаниях, его литературный вкус безуко-

равны, обе стороны сохраняют все же право и свободу выбора.

Морковка на удочке

Куда неприятнее ситуация обстоит в новеллах, где представители привилегированной касты шлоды, как хорьки в курятнике, калета жани и губы представительниц незадающих классов или просто безымянно пользуются ими, как в бесплатном социальном борделе («Степа», «Дня», «Гости», «Визитные карточки», «Мадрид», «Темные аллеи»). Неужто Бунин – в молодости «толстовец», академик, нобелит – не понимал, что его «окаженные дни» расплата и за это тоже – за прерывание людей в вещи? Вот вам, любители «темных аллей», и Юрпен деп! Из всего обилия бунинских персонажей, кажется, одна героиня «Чистого понедельника» – вполне, кстати, эротичная – не оказывается ни ошлой, ни куршей, ни волчицей и понимает, что происходит и назревает в России. Она оставляет героя, уходит в монастырь. А то все вспоминает золотые дни влюбленности и рисуется, утываясь своей способностью к сильным чувствам.

Возможно, потолок бунинского мировоззрения, художественного в том числе, определился тем, что, в отличие от своего кумира и учителя Толстого, он был бездетен (его единственный ребенок от первого брака умер в раннем детстве)? В писанине Бунина отчетливо ощущается некая специфическая жестокость похоти, который всего в жизни вынужден был добиваться сам. Свидетельством тому – два сокрушительно сентиментальных «спиритских» рассказа, написанных на одном диктоне 28 сентября 1940 года, «Красица» и «Дурочка», – короткая проза, обжигающая как кинжал. Но в была слишком болезненная тема, громящая разрушить не только замысел цикла, но саму художественную систему Бунина – и он поспешил вернуться в не столь опасный мир «темных аллей», чтобы вспоминать и грезить.

А также – чтобы, раскладывая историю любовных и последних событий, постараться понять: чем же вот это было? Морковкой на удочке? И «частые наше, дружок, как вода в бредне: твоясь – надуться, а вытисшись – ничего нету» (эти слова толстовского Платона Каратаева цитирует героиня «Чистого понедельника» героиня – и в контексте «Темных аллей» они выглядят изощренной эротической метафорой)? Или же в послушании природному зову заключен секрет молодости и непленности человеческой жизни? Зачем-то же милосердный Господь не создал нас однополовыми?

Бунин одновременно любил в жизнь, и «Темные аллеи» – его последний творческий «гон», художественно воскрешающий все свое

драгоценное и сокровенное, что спущено на его веку вопреки неслыханному безобразию мира.

Несколько поздних этюдов фактически примыкают к циклу «Темные аллеи» («Крем Леодор» – о «зверином зове разнузданной плоти» и «Ахбат» – о «плотом» волеизъявления беременным) или же выглядят последствием к нему («Мистраль» – о преходящести жизни и «Бернар» – о близкой дружбе с Монассаном марки, владелица яхты «Бель Ами»). В 1952 году, предусмотрительно отключившись от несколько напущенного сравнения с адювантным и шенгичным автором «Милого друга», столь же вдохновенный, куда более лиричный автор «Темных аллей» процедила с жизнью и литературой такими словами:

«Мне кажется, что я, как художник, заслужил право сказать о себе, свои последние дни, нечто подобное тому, что сказал, умирая, Бернар». Последними словами катипа Бернара были: «Думаю, что я был хорошей морью».

Игорь Юрьевич Клех – прозаик, эссеист.